

Научная статья

УДК 342.722

О ПРОТИВОРЕЧИИ ИДЕИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА ОБЩЕПРАВОВОМУ ПРИНЦИПУ РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ

**Ярмоц Елена, к.ю.н., доц., Полоцкий государственный университет имени
Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь, yarmotse.len@gmail.com**

Аннотация

В статье сосредоточено внимание на противоречиях, которые присущи системе социального рейтинга (социального кредита). В качестве некоторого образца автором берётся действующая в КНР система, хотя отмечается, что, будучи внедрённой в любой другой стране, такая система может кардинально отличаться. Автор признает наличие множества преимуществ данной системы как социального и правового регулятора общественных отношений. Одновременно с этим указывается на множественные недостатки и риски, причём не в контексте рейтинговой системы КНР, а в целом. В теоретическом аспекте обосновывается высокий уровень рисков для сохранения являющихся традиционными прав и свобод человека и гражданина, в особенности принципа равенства всех перед законом и судом. Отмечается, что такая система может не только поставить под угрозу сам принцип равенства, но и существенно усилить дисбаланс в этом аспекте. В соответствии с этим взглядом делается вывод о нецелесообразности повсеместного внедрения такой системы. Вместе с тем признаётся необходимость её дальнейшего научно-теоретического изучения и исследования хотя бы потому, что такая система нашла практическое применение в одной из крупнейших стран мира.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система социального кредита, система социального рейтинга, права человека, принцип равенства, социальный контроль, частная жизнь

Статья поступила в редакцию 18.05.2025, одобрена после рецензирования 16.06.2025, принята к публикации 17.06.2025.

Original article

ON THE SPECIFICS OF SOCIALIST LEGAL UNDERSTANDING IN THE THEORY OF STATE AND LAW

**Elena Yarmots, Candidate of Law, Associate Professor, Polotsk State University
named after Euphrosyne of Polotsk, Novopolotsk, Belarus**

Abstract

The article focuses on the contradictions inherent in the social rating system (social credit). The author uses the current system in China as a sample, although it is noted that, being implemented in any other country, such a system may be radically different. The author recognizes the many advantages of this system as a social and legal regulator of public relations. At the same time, multiple disadvantages and risks are pointed out, not in the context of the rating system of the PRC, but in general. Theoretically, the author substantiates the high level of risks for the preservation of traditional human and civil rights and freedoms, especially the principle of equality of all before the law and the courts. It is noted that such a system can not only jeopardize the very principle of equality, but also significantly increase the imbalance in this aspect. In accordance with this view, it is concluded that the widespread implementation of such a system is impractical. At the same time, the need for further scientific and theoretical study and research is recognized, if only because such a system has found practical application in one of the largest countries in the world.

Keywords: artificial intelligence, social credit system, social rating system, human rights, principle of equality, social control, private life

Введение

Современное общество в целом достигло достаточно высокого уровня в плане правового прогресса, неотъемлемой составляющей которого стало

всеобщее признание такого универсального принципа регулирования общественных правоотношений, как равенство всех. В этом контексте прежде всего подразумевается именно равенство граждан перед законом и судом, непредвзятость оценки их поведения как в целом, так и в конкретных юридически значимых ситуациях, в частности, в ситуациях совершения правонарушений, в ситуациях реализации ими их прав и исполнения обязанностей.

Наличие исключений в виде предоставления юридического иммунитета некоторым категориям лиц, хотя и заставляет усомниться в абсолютном характере рассматриваемого принципа, тем не менее, не означает отказ от него. Однако некоторые тенденции развития общества и практики решения правовых проблем дают повод говорить об угрозе сохранению указанного принципа равенства в перспективе. Одна из таких тенденций связана с внедрением так называемой системы социального рейтинга (скобочках социального кредита).

Основная часть

Рассматриваемая система есть средство осуществления социального государственного контроля за деятельностью граждан и организаций, в рамках которого их поведение оценивается на базе определённых критериев, формирующих рейтинговый балл, причём с использованием средств цифровой обработки данных, с учетом которого решаются вопросы, касающихся привлечения к ответственности, поощрения, поддержки, предоставления государственных и или иных услуг [1, с. 27].

Небезосновательно принято считать, что первым государством, разработавшим рейтинговую систему и приступившим к её внедрению наиболее последовательно, стала Китайская Народная Республика (КНР), в связи с чем при анализе преимуществ и недостатков системы социального рейтинга в теоретическом контексте (без привязки к конкретному государству), в том числе с точки сохранения общепризнанных принципов и норм права, также прав и свобод человека и гражданина, принято брать за образец именно КНР. Поэтому учёные часто экстраполируют те характеристики социального рейтинга, которые присущи китайской системе, на другие страны, где подобного рода система не внедрена, но потенциально внедрен может быть, в том числе и на Россию. Однако следует сделать важную оговорку: каждое государство обладает своей спецификой в плане национально-культурных традиций, исторического наследия, особенностей правового развития. А это значит, что и внедрение

подобного рода системы в любой из стран, в том числе в России, вряд ли будет в полной мере аналогичным китайскому опыту. Соответственно, не случайно отдельные авторы [5, с. 74] усматривают существенную ограниченность потенциально возможной российской системы социального рейтинга в сравнении с китайской.

Поэтому рассматривать китайскую систему рейтинга как некий образец или идеал теоретической модели рейтинговой системы уместно лишь условно, ведь китайский образец системы – только один из многих потенциально возможных вариантов.

Изложенное означает, что внедрение подобного рода системы в любой другой стране не обязательно затронет практику соблюдения принципа равенства именно так, как это имеет место в КНР. И тут стоит напомнить о наличии юридических иммунитетов в законодательстве практически любой страны. Однако они рассматриваются как исключения из принципа равенства, необходимые для обеспечения гарантий защиты иных социально значимых ценностей. Причём подобный подход к рассмотрению иммунитетов можно считать уже относительно устойчивой традицией, если учесть, что в России он получил активное развитие уже в начале XX в., когда идеи парламентаризма только набирали обороты [6, с. 113]. Тем не менее, практика внедрения иммунитетов не создала явных угроз для воплощения в жизнь принципа равенства, ведь иммунитеты стали всего лишь некоторым исключением из общего правила. Поэтому вполне возможно, что и система социального рейтинга, будь она внедрена в России, не станет ощутимой угрозой для принципа равенства, хотя это является лишь предположением.

Но поскольку КНР остаётся единственным государством, где система социального рейтинга получила наибольшее развитие, то даже для теоретического осмысления невозможно игнорировать китайский опыт. Здесь важно подчеркнуть, что в целом суть данной системы именно в КНР состоит в начислении баллов за социально одобряемые действия и вычитании – за социально неодобряемые деяния, исходя из чего все население дифференцируется на определённые категории – от благонадёжных до преступников [1, с. 27]. И в некотором смысле такой рейтинг наглядно иллюстрирует состояние общества с точки зрения его сознательности и соблюдения порядка.

Положительные характеристики рассматриваемой системы сложно отрицать, ведь она даёт возможность государству получать информацию о деятельности каждого члена общества, каждой организации, что способствует повышению социальной ответственности каждого субъекта. А это, в свою очередь, должно способствовать развитию экономики и повышению уровня жизни населения в целом. Более того, в определённой степени такая система может стать фактором сокращения неравенства, ведь в её условиях поощряется поддержка малообеспеченных или иных нуждающихся представителей общества наиболее обеспеченными представителями общества [1, с. 27-28].

Безусловно, представленные положительные характеристики не отражают всей специфики такой системы, особенно с учётом наличия множества негативных аспектов, среди которых, зачастую, выделяется пренебрежение правами человека и его свободой ввиду постоянного усиленного наблюдения за каждым из граждан. И хотя изначально такая система была ориентирована на то, чтобы сделать отношения в обществе более доверительными, де- факто она, напротив, стала расцениваться как фактор, способствующий снижению доверия. Кроме того, среди явных негативных характеристик рассматриваемой системы выделяется возможность излишней формализации социально одобряемых поступков, ведь, по сути, гражданин начинает совершать такие поступки, руководствуясь не сугубо своей совестью, личными убеждениями, чувством долга, прочими субъективными моральными ценностями, а лишь теми предписаниями, которые содержит закон [1, с. 28].

Для иллюстрации проблемы уместно привести в пример начисление баллов рейтинга за поддержку гражданином его престарелых родителей, а также снижение рейтинга за отсутствие или нерегулярность такой поддержки [1, с. 28]. И если в отсутствии рейтинга такая поддержка может расцениваться как акт бескорыстного поведения, то в условиях рейтинговой системы такая поддержка, по сути, уже не является бескорыстной, что в определённой степени обесценивает её моральную значимость. Происходит формализация внутрисемейных отношений, что не есть хорошо, но опять же с точки зрения морали, а не прав. В правовом же смысле здесь видятся в основном положительные нюансы, но лишь на первый взгляд.

Именно в таких условиях возникают и угрозы нивелирования общеправового принципа равенства, ведь, гражданин, являющийся, например, малообеспеченным, вряд ли способен систематически оказывать весомую

поддержку своим родителям, так как он сам нуждается в поддержке, в то время как состоятельный гражданин такие возможности имеет в избытке. И формально складываются условия для большей поддержки не малообеспеченного гражданина, который в ней нуждается, а для поддержки состоятельного гражданина, который в такой поддержке, возможно, и не нуждается. То есть здесь, помимо нарушения некоторого принципа равенства, складываются и условия для фактического усиления дисбаланса в плане решения проблем материального характера.

С другой стороны, в рассматриваемой системе присутствует определённая логика, которую сложно оспорить. Так за совершение правонарушений рейтинговый балл гражданина закономерно снижается. В случае же совершения преступлений и применения наиболее суровых уголовных санкций субъект оказывается в такой ситуации, когда войти в высшую категорию становится крайне затруднительным, что тоже не способствует соблюдению принципа равенства [1, с. 28].

Однако, и в большинстве других стран, в том числе России, подобный подход отчасти находит применение, только вопрос решается не путём вычитания баллов и установления определённых требований для получения для получения тех или иных благ, а об установлении конкретных запретов, в частности, запрета поступления на государственную службу.

Далее в таблице раскрыт подход к категоризации населения в КНР, исходя из рейтингового балла.

Таблица – Категории социального рейтинга и их особенности [1, с. 29]

Категори я	Кол-во баллов, необходимых для получения категории	Пояснение
AAA	1 050 и более баллов	Скидки при совершении крупных покупок, преимущество при повышении по службе и трудоустройстве на престижные должности.
AA	1 000–1 049 баллов	Отсутствие привилегий или наказаний; категорию имеют подавляющее большинство граждан КНР.
A	950–999 баллов	Сложности с трудоустройством в государственные структуры на управленческие должности.
B	900–949 баллов	Сложности с трудоустройством в государственные структуры.

C	800–899 баллов	Кредитные ограничения, запрет на управленческую, педагогическую и медицинскую деятельность.
D	650 баллов и ниже	Отказ в выдаче кредитов, сложности с трудоустройством на любую работу, кроме низкоквалифицированной.

Подобного рода ограничения применяются и в Российской Федерации, но не на основе какого-либо рейтинга, а исходя из конкретных юридически значимых фактов, в частности, совершения административных правонарушений, преступлений, фактов банкротства и пр.

Казалось бы, что каких-либо рисков рассматриваемая система не несёт, ведь имеющиеся в ее рамках ограничения не чужды и тем государствам, в которых подобная система отсутствует. Однако важно обратить внимание на такой нюанс, как возможность учёта рейтингового балла при решении вопроса о поощрении и наказании гражданина в каждой конкретной юридически значимой ситуации [2, с. 240]. Это опять же ставит под сомнение общеправовой принцип равенства. В другой стороны, и в отсутствии такой системы некоторые отступления от принципа равенства все же имеются; например, назначение меньшего срока уголовного наказания в случае, если у гражданина имеются дети. Но такого рода случаи являются скорее исключением, нежели правилом; в условиях же рейтинговой системы исключения фактически переходит в разряд правил, и именно по формальным, а не фактическим соображениям.

Обращает на себя внимание возможность введения ограничений (при низком рейтинге) на пользование транспортом, как личным, так и общественным, на устройство детей гражданина в престижные учебные заведения, и пользование интернет-ресурсами. То есть доступ даже к обычным социальным благам, привычным для всех, в условиях рейтинговой системы может стать привилегией отдельных категорий лиц [2, с. 241]. Конечно же, это не может способствовать культивированию принципа равенства.

Также нельзя исключить и риск клеветы, кибер-атак, разного рода ошибок, причём как ввиду «человеческого фактора», так и ввиду сбоев в автоматизированных системах [2, с. 241], функционирующих, в том числе, и на основе искусственного интеллекта.

Поводом для критики рассматриваемой системы является и возможность включения в алгоритмы оценки поведения граждан субъективного компонента. Более того, в условиях функционирования такой системы не исключается преследование по признаку принадлежности к инакомыслящим, также в целях

мести, буллинга и пр., что фактически может привести к прямо противоположным эффектам [3, с. 61].

Вряд ли можно в полной мере исключить и фактор коррупции при принятии юридических решений, а это значит, что и вмешательство в работу системы социального рейтинга гипотетически возможно под влиянием фактора коррупции [3, с. 61].

Нельзя не сказать о неоднозначной научной оценке отдельных нюансов, связанных с функционированием рассматриваемой системы. Например, А.Н. Мяханова и Т.И. Эрхитуева отмечают, что граждане, имеющие активную гражданскую позицию, поддерживаются в условиях системы социального рейтинга, как и граждане, занимающиеся общественной деятельностью [4, с. 40]. Однако не уточняется, что эта активная гражданская позиция, как и общественная деятельность, должны находиться в определённом векторе, законодательно и практически поддерживаемом государством, ведь проявление активной гражданской позиции и занятие общественной деятельностью в векторе, который на практике государством не поддерживается, даже если признается и законодательно (например, правозащитная деятельность), не всегда сможет стать фактором, позволяющим гражданину получить положительную оценку своей деятельности в виде повышения рейтинга.

Нельзя исключить и потенциальную возможность использования системы социального рейтинга в целях политического преследования и ограничений свободы личности, что может быть усугублено недостаточной прозрачностью такой системы, усилениями риска социального неравенства и злоупотреблениями, в том числе сопряжённым с нарушением приватности, выражающемся в сборе всей возможной информации о частной жизни граждан, даже формально охраняемой на конституционном уровне [7, с. 163].

Заключение

Система социального рейтинга крайне противоречива. С одной стороны, невозможно отрицать её преимущества как своеобразного социального и правового регулятора. Однако преимущества данной системы могут быть нивелированы негативными эффектами её функционирования, а именно излишним вмешательством государства в частную жизнь, тотальным контролем, рисками ограничения доступа даже к элементарным благам, в том транспорте Интернету, образованию и пр. Более того, в условиях функционирования такой системы, даже и построенной на максимально объективных принципах, не

исключены различные злоупотребления, в том числе продиктованные политическими мотивами или коррупцией.

Отсюда вывод о нецелесообразности повсеместного внедрения такой системы, исходя из высокого уровня рисков именно для основополагающих конституционных принципов, имеющих международно-правовое значение, в особенности принципа равенства.

В отдалённом будущем возможно, что взгляд на такую систему может быть пересмотрен. Тем не менее, идеи, касающиеся данной системы, нуждаются в основательном осмыслении, хотя бы исходя из того, что в мире уже имеется страна, где такая система действует весьма масштабно и во многом эффективно.

Список литературы

1. Го Хань. Социальный рейтинг как система контроля общественной деятельности граждан в современном государстве: преимущества и противоречия // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 3. С. 26–31.
2. Кораблев А.Ю., Афиногенова А.С. Система социального рейтинг в России // Научно-исследовательские решения современной России в условиях кризиса : Мат-лы XXVI Всерос. науч.-практ. конф. В 2-х ч. (г. Ростов-на-Дону, 28 декабря 2020 г.). Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2020. С. 239–243.
3. Косоруков А.А. Технологии «умного наблюдения» и социального рейтинга в сфере государственного управления // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 56–64.
4. Мяханова А.Н., Эрхитуева Т.И. Формирование социального рейтинга: китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2024. Вып. 3. С. 38–43.
5. Овчинников А.И., Конопий А.С. Правовое стимулирование общественного развития и активности правосознания с помощью социального рейтинга в Китае // Труды ИГиП РАН. 2023. Том 18, № 3. С. 57–79.

6. Потапов Д.Ю. Правовой иммунитет и соблюдение принципа равенства перед законом: проблемы юридической доктрины // Право и управление. XXI век. 2013. № 3(28). С. 112–116.
7. Тагаров Б.Ж., Салахи Д.Э. Социальный рейтинг как инструмент государственного регулирования // Global & Regional Research. 2024. Т. 6, № 2. С. 159–164.

References

1. Go Xan`. Social`ny`j rejting kak sistema kontrolya obshhestvennoj deyatel`nosti grazhdan v sovremennom gosudarstve: preimushhestva i protivorechiya // Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika. 2025. № 3. S. 26–31.
2. Korablev A.Yu., Afinogenova A.S. Sistema social`nogo rejting v Rossii // Nauchno-issledovatel`skie resheniya sovremennoj Rossii v usloviyax krizisa : Mat-ly` XXVI Vseros. nauch.-prakt. konf. V 2-x ch. (g. Rostov-na-Donu, 28 dekabrya 2020 g.). Ch. 2. Rostov-na-Donu, 2020. S. 239–243.
3. Kosorukov A.A. Texnologii «umnogo nablyudeniya» i social`nogo rejtinga v sfere gosudarstvennogo upravleniya // Teorii i problemy` politicheskix issledovanij. 2020. Tom 9. № 5A. S. 56–64.
4. Myaxanova A.N., E`rxitueva T.I. Formirovanie social`nogo rejtinga: kitajskij opy`t // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya Vnutrennej Azii. 2024. Vy`p. 3. S. 38–43.
5. Ovchinnikov A.I., Konopij A.S. Pravovoe stimulirovanie obshhestvennogo razvitiya i aktivnosti pravosoznaniya s pomoshh`yu social`nogo rejtinga v Kitae // Trudy` IGiP RAN. 2023. Tom 18, № 3. S. 57–79.
6. Potapov D.Yu. Pravovoj immunitet i soblyudenie principa ravenstva pered zakonom: problemy` yuridicheskoy doktriny` // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2013. № 3(28). S. 112–116.

7. Tagarov B.Zh., Salaxi D.E`. Social`ny`j rejting kak instrument gosudarstvennogo regulirovaniya // Global & Regional Research. 2024. T. 6, № 2. S. 159–164.